
ХОЗЯЙКА ПЕРЕПРАВЫ
СОРОК ДНЕЙ
ЕВА НЕЧАЕВА

Ева Нечаева
Хозяйка переправы. Сорок дней

https://litres.ru/74805579
SelfPub; 2026

Аннотация

Вчера Анна Верещагина управляла грузоперевозками в Нижнем Новгороде. Сегодня она просыпается в другом мире в теле Ирмы, вдовы паромщика. Ей достались старый паром без каната, немая девятилетняя падчерица, долги и посёлок между двумя враждующими герцогствами.

Переправа стоит уже десятый день. Если до сорокового дня не состоится договорный рейс, перемирие закончится. Чтобы не допустить войны, Анне придётся заново запустить паром, собрать команду и выяснить, кто превращает каждую поломку в новую угрозу.

Но паром оказывается не обычным: он знает настоящие имена пассажиров и скрипит, когда слышит сознательную ложь. Первым он выдаёт тайну Яна — капитана с другого берега, которому Анна не должна доверять. Особенно теперь, когда от его выбора зависит не только переправа.

Содержание

День десятый	4
День десятый. Вечер	15
День одиннадцатый	25
День двенадцатый	34
День тринадцатый	44
День четырнадцатый	53
День пятнадцатый	62
День шестнадцатый	69
День семнадцатый	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ева Нечаева
Хозяйка переправы. Сорок дней

День десятый

Я проснулась оттого, что кто-то методично ел моё одеяло.

В прежней жизни претензии к постельному белью поступали от водителей: то в общежитии холодно, то матрас помнит ещё открытие первой транспортной компании. Здесь претензия была рогатая. Коза ухватила край серого покрывала, дёрнула и посмотрела на меня прямоугольным жёлтым глазом. В её взгляде читалось расписание на утро: доесть одеяло, опрокинуть ведро, обвинить хозяйку.

— Положи, — сказала я.

Голос вышел низкий, хриплый и чужой.

Коза отпустила ткань. Не из уважения — за дверью грохнуло что-то более съедобное.

Я села. Комната сделала короткий круг и остановилась. Потолок был из тёмных брёвен, между ними белели полоски мха. На окне вместо занавески висел кусок рыбацкой сети. Пахло золой, мокрой шерстью и рекой — не летней набережной, а водой, которая всю ночь тёрлась о сваи под домом.

Первой разумной мыслью было: маршрутка приехала не туда.

Вторая разумная мысль сообщила, что маршрутки не возят пассажиров в чужие тела.

Я подняла руки. Широкие ладони, сбитые ногти, мозоли поперёк пальцев. На правом запястье — белый след от старого ожога. Моих часов не было. Моей тонкой синей жилки, которую я видела каждое утро, тоже.

В памяти осталось последнее: диспетчерская, два опоздавших тягача, кофе из автомата со вкусом тёплого картона. Потом маршрутка от Щербинок, лоб у холодного стекла, мама пишет: «Доехала?» Я успела набрать «почти».

За дверью мужчина заорал:

— Ирка! Пинь дощечку вешает! Ежели нынче не встанешь, завтра уже незачем!

На полу у печки сидела девочка лет девяти и рисовала мелом прямоугольник с двумя берегами. Между берегами она провела толстую линию, перечеркнула её и подняла глаза на меня.

— Я не Ирка, — сказала я тише.

Девочка подумала, стёрла рукавом одного человечка и нарисовала другого. Потом пододвинула мне дощечку.

На ней было четыре слова.

«Я знаю. Вставай быстрее».

Вот так у меня появился первый сотрудник.

Встать оказалось отдельной производственной задачей.

Ноги были длиннее моих, пол — ниже ожидаемого, а юбка состояла из количества ткани, которым у нас укрывали палеты. Я запуталась в подоле, задела табурет и поймала его у самого пола.

Тело сработало раньше головы. Сильные руки. Хорошая спина. В левом боку тянуло при вдохе, на затылке прощупывалась шишка.

Девочка протянула шерстяные чулки и отвернулась, пока я одевалась. На ней было коричневое платье с короткими рукавами, явно оставшееся от кого-то старшего. Светлая коса затянута бечёвкой. Ни слова с её стороны — только деловитое ожидание.

— Как тебя зовут?

Она написала на краю дощечки: «Варвара». Подумала и ниже добавила: «Варька».

— Анна.

Мел замер. Варька посмотрела мне в лицо, затем быстро написала: «Знаю».

Мне стало холоднее, хотя печь ещё хранила жар.

Дверь распахнулась. На пороге стоял сухой старик в валенках, разномастной одежде и с такой бородой, словно она одна не подписывала никаких обязательств перед расчёской.

— Очнулась, — произнёс он без радости. — А я говорил, вода дурь выбьет. Выбила вместе с остатками ума. Чего расселась? Пинь уже народ собрал.

— Кто такой Пинь?

Старик снял шапку и перекрестился.

— Господи, верни ей дурь. С нею привычнее было.

Варька показала мне дощечку: нарисованный человечек держал книгу, а вместо носа у него торчало перо.

— Писарь, — догадалась я.

— Таможенный писарь Лука Пинь, — отчеканил старик. — Сорок лет мужику, а фамилия всё впереди него в комнату входит. Я Ефим. Тебе это тоже вода вымыла?

Я посмотрела на Варьку. Та чуть заметно покачала головой.

Сейчас не признаваться. Хороший совет, особенно когда не знаешь, за что здесь могут утопить второй раз.

— Голова пустая, — сказала я. — Что случилось?

Ефим нахлобучил шапку.

— На пристани случилось. Там и увидишь.

Снаружи меня ждали река, чужое село и около сорока человек, которым явно не сообщили, что моя смена закончилась в другом мире.

Дом стоял на высоких сваях. От крыльца к берегу спускались мокрые доски; между ними проросла жёсткая трава. Справа теснились серые крыши, огороды и коптильни. Над посёлком висел дым, пахло рыбой, древесной корой и солью. Слева открывалась река — широкая, тяжёлая, цвета остывшего чая. До противоположного берега было так далеко, что люди у частокола казались тёмными гвоздями.

У самой воды лежал паром. Не красивый корабль, а ра-

бочая платформа на двух плоских корпусах: потемневший настил, ворот, столбы под канат. Каната между берегами не было. Его оборванный конец свисал с правой опоры и бился о сваю.

На площадке перед пристанью собрались рыбаки, две женщины с корзинами, подростки, мужики в кожаных фартуках. Они расступились передо мной неохотно, как очередь перед человеком, который крикнул «мне только спросить».

У будки стоял худой мужчина в чёрных нарукавниках. Он держал казённую книгу на вытянутой ладони, оберегая её от мороси больше, чем собственную голову. Другой рукой прибивал к стене дощечку.

На дощечке белой краской было выведено: «10».

— Ирма Григорьевна, — сказал он, увидев меня. — Рад засвидетельствовать восстановление вашего сознания. Хотя формально лекарь сознания не удостоверял, и потому моя радость носит частный характер.

— Лука Пинь?

Он моргнул и поправил нарукавник.

— Да. Вы меня узнаёте?

— По носу.

За спиной кто-то хрюкнул. Лука потрогал длинный нос и посмотрел на Варькину дощечку. Девочка стояла с невинным лицом.

— Что означает десять? — спросила я.

Смех прекратился.

Лука развернул книгу. На странице шли аккуратные столбцы, даты и красные черточки.

— Десятый день остановки государственной переправы Подгорье — Сторожка. Согласно седьмому пункту Мирного уложения, если движение не будет возобновлено до исхода сорокового дня, обязательства сторон прекращаются.

— Какие обязательства?

На этот раз никто не засмеялся. Женщина с корзиной отвела глаза.

Ефим сплюнул в воду.

— Мир, Ирка. Мир прекращается.

Я посмотрела на противоположный частокол. Над ним висел флаг: тёмное полотнище, серебряная полоса. На нашем берегу флага не было, зато было много людей, которые привыкли жить рядом с условием, напечатанным мелким шрифтом.

— Из-за парома начнётся война?

— Не из-за парома, — обиделся Ефим. — Из-за договора. Паром — это паром.

— Исчерпывающее техническое заключение.

Он прищурился.

— Вода язык не вымыла.

Лука перевернул страницу и показал старый лист с двумя печатями.

— Мирное уложение заключили после Соляной войны. Клятвенный ясень, под которым его подписали, позднее был

повреждён молнией. Из древесины построили паром. Формулировка, признаю, имеет поэтический характер и неудобные последствия: «Покуда паром ходит, мир стоит. Встанет паром на сорок дней — договор кончен».

— Кто придумал срок?

— После войны ни один берег не соглашался доверить мир чужой крепости, чужому гарнизону или мосту, — сказал Лука. — Ясень считался общей святыней, а паром — единственной вещью, которая принадлежит обоим берегам, пока касается обоих. Запасной порядок можно установить только новым уложением с двумя герцогскими печатями. За сорок лет их ни разу не удалось собрать на одном листе.

Лука произнёс это без насмешки. Видимо, вопрос о запасном порядке ему задавали не впервые.

— Почему он встал?

По толпе прошёл шорох. Ефим посмотрел на оборванный канат.

— Гришка твой ночью вышел. Утром нашли лодку, канат и его в камышах. Ты полезла вытаскивать. Течение под паром затянуло. Тебя вытащили, его — поздно.

Варька прижала дощечку к груди.

Григорий. Отец девочки. Муж женщины, чьи руки теперь принадлежали мне.

Я хотела сказать, что мне жаль. Фраза показалась мелкой и чужой. Я опустилась перед Варькой на корточки. Левый бок отозвался болью.

— Ты была здесь?

Она кивнула.

— Видела, что случилось?

Ещё один кивок. Потом Варька посмотрела на старосту среди людей — я узнала его по цепи с медной бляхой — и убрала мел в карман.

Не при всех.

— Десять дней прошло, — продолжил Лука. — Осталось тридцать. Для законного возобновления требуется полный рейс с грузом и пассажирами, засвидетельствованный обеими сторонами.

— Починить канат и пройти на другой берег.

— Для перевозок — да. После технического допуска паром сможет ходить сколько угодно. Но сорокадневный счёт остановит только заранее объявленный договорный рейс: груз в книге, пассажиры в списке, писарь справа и офицер слева ставят подписи после прибытия. Без одной подписи люди переправятся, а мир по бумаге продолжит кончаться.

— Деньги на ремонт есть?

Лука закрыл книгу.

— Нет.

— Запасной канат?

Ефим кашлянул в бороду.

— Был бы запасной, уже натянули бы.

— Люди, способные работать?

Толпа дружно заинтересовалась погодой.

Я знала такой тип совещаний. Сорок участников, у каждого уважительная причина, а машина всё равно должна выйти в рейс.

— Хорошо. Тогда начнём с учёта.

Староста шагнул вперёд. Низкий, крепкий, с аккуратной бородой и сухими сапогами — редкое достижение на мокром берегу.

— Никакого «начнём», Ирма. Ты три дня лежала мёртвая, потом бредила. Григорий утонул. Девка онемела. Переправа проклята. Мы напишем в Велень, пусть присылают войско к сороковому дню.

— За тридцать дней войско можно прислать, а канат нельзя?

— Не бабье дело.

— Отлично. Значит, мешать вы не будете.

Кто-то снова хрюкнул. Староста покраснел до линии шапки.

— Дом и пристань записаны на Ирму, — тихо сказал Лука. — Пока суд не установил её недееспособность, распоряжение остаётся за ней.

Слово «пока» он выделил с осторожностью человека, который кладёт нож на стол ручкой к собеседнику.

Староста ушёл, уведя половину зрителей. Остальные задержались — не помочь, а посмотреть, насколько занимательно я провалюсь.

Ефим повёл меня к парому, но у сходней Варька дёрнула

меня за юбку. Она показала сначала на дом, потом сложила ладони под щекой.

— Мне надо лежать?

Девочка энергично кивнула.

— Почему?

Она ткнула пальцем в Ефима, затем в толпу и провела мелом по губам: молчать.

Я поняла. Голова у Ирмы должна болеть достаточно долго, чтобы мне простили незнание имён, денег, местных правил и устройства собственного хозяйства.

— Осмотр через час, — сказала я Ефиму. — Сначала завтрак и всё, что осталось от бумаг Григория.

— Командовать уже научилась.

— Этого вода не берёт.

Обратно мы шли втроём. Коза встретила нас на крыльце с украденной луковицей во рту. Варька отобрала луковицу, сунула козе пучок травы и первой вошла в дом.

На столе она разложила три дощечки: рисунок парома, человечек с пером и две перечёркнутые фигурки у каната. Потом достала четвёртую. Видимо, приготовила заранее, пока я спала.

Буквы были крупные, нажим такой сильный, что мел крошился в бороздках.

«ТЫ НЕ МАМА. НО ОСТАВАЙСЯ».

Варька положила рядом кусочек мела и вышла кормить козу.

Мне оставили место в чужом доме, чужое имя и тридцать дней до войны.

Я взяла мел и под надписью написала:

«СНАЧАЛА ПОЧИНИМ ПАРОМ».

День десятый. Вечер

Бумаги Григория помещались в жестяной коробке из-под леденцов. Самих леденцов я не застала: от них осталась сладкая пыль по углам и картинка женщины в шляпе, которая улыбалась так уверенно, словно ни разу не считала чужие долги.

Я высыпала содержимое на стол. Три квитанции, список дворов, карандашный расчёт каната, письмо без подписи и медная серьга.

— Это всё хозяйство?

Ефим сидел у печи и строгал щепку, хотя поленьев рядом было достаточно.

— Гришка в голове держал.

— Голова сейчас в камышах не отвечает на запросы.

Старик перестал строгать.

Я прикусила язык. В диспетчерской мёртвые машины называли мёртвыми машинами. Здесь у мёртвого была дочь, которая за перегородкой гремела мисками.

— Прости.

— Мне-то чего. — Ефим снял длинную стружку. — Варьке не скажи.

— Не скажу.

Я разложила бумаги по назначению. Квитанции — в одну сторону, долги — в другую, непонятное — ближе к себе.

Получились три одинаково тревожные кучки.

В списке стояли имена и цифры: «телега — две медки», «скотина — одна», «пеший — полмедки». Напротив половины фамилий Григорий поставил кресты. Долги клиентов или его собственные, неясно. Расчёт каната сообщал: триста двадцать саженей пеньки, шесть связок просмолённой пряди, четыре дня работы при восьми людях.

— Сажень — это сколько?

Ефим показал руками.

— Очень точная система, — сказала я. — Сколько стоит новый канат?

— Полста серебром. Ежели найдёшь.

— А в кассе?

Он кивнул на глиняный горшок над печью. В горшке лежало семь медных монет, пуговица и высохшая фасолина.

— Фасоль оставим как неприкосновенный резерв.

Ефим фыркнул и отвернулся, пряча улыбку в бороде.

Варька поставила на стол миску каши. Одну. Потом принесла ещё две ложки и села между нами. Каша пахла дымом и козьим молоком. Я съела свою треть слишком быстро и поняла, насколько была голодна.

— Ирма хорошо готовила?

Ефим посмотрел в миску.

— Коза лучше.

Варька беззвучно засмеялась. Плечи у неё затряслись, но звука не вышло. Она сразу перестала и уставилась на ложку.

Ефим отложил свою.

— После похорон так. Лекарь глядел — горло цело. Слова не идут.

— Не трогай её.

— Я и не трогаю.

Варька ткнула ложкой сначала в него, потом в себя, затем изобразила кулаком удар по столу.

— Он тебя ругал?

Она покачала головой и написала мелом прямо на столешнице: «ОН ВСЕХ РУГАЕТ».

— Неправда, — сказал Ефим. — Козу не ругаю. Она выводов не делает.

После еды я нашла в сундуке тяжёлую куртку Ирмы, две пары шерстяных носков и мешочек с деньгами. В мешочке оказалось двенадцать серебряных и расписка на сорок.

«Получено Ирмой Григорьевной Переправной у торгового дома Мокея Вершинина. Возврат до последнего дня осеннего месяца. Обеспечение — дом, пристань и перевозное право».

— Уже лучше, — сказала я. — У нас не семь медяков. У нас семь медяков и сорок серебряных долга.

Ефим заглянул через плечо.

— Канат брали весной. Старый совсем лохматился.

— Тот, который сейчас оборван?

— Тот был новый.

Я перечитала расписку. Деньги взяли четыре месяца на-

зад. Канат рассчитан на годы. И всё-таки Григорий утонул, а переправа стояла.

— Пойдём смотреть.

Ефим возразил, что у меня лицо цвета рыбьего брюха. Я ответила, что война не перенесётся из-за моего цвета лица. Варька принесла фонарь, моток верёвки и нож, будто ждала только команды.

К вечеру морось прекратилась. Река лежала гладко, по ней тянулись длинные полосы закатного света. Посёлок дымил печами. На противоположном берегу зажигались огни заставы — один, второй, третий. Между нами было триста саженей воды и сорок лет плохой памяти.

Паром сидел в прибрежной грязи одним краем. Вблизи он выглядел старше дома. Настил собирали из широких серых досок; в щелях застряли чешуя, солома и круглая детская бусина. Два массивных корпуса под ним были просмолены почти до чёрного. В центре стоял ворот с четырьмя длинными рукоятями.

Я поставила ногу на сходню.

Варька схватила меня за рукав.

— Что?

Она показала на настил, затем на ухо.

— Там опасно?

Девочка поморщилась от моей непонятливости и постучала пальцем по уху ещё раз.

— Слушать?

Кивок.

Ефим уже спустился под правую опору и возился с оборванным концом. Я шагнула на паром.

Под подошвой негромко отозвалась доска.

А затем кто-то произнёс у самого уха:

— Анна Сергеевна Верещагина.

Я обернулась так резко, что потянула бок. На берегу никого. Варька стояла на сходне, фонарь освещал её снизу. Губы девочки не двигались.

— Ты слышала?

Она кивнула.

— Моё имя?

Снова кивок.

Ефим высунулся из-за опоры.

— Чего встали?

— Вы ничего не слышали?

— Слышу, как ты вопросы задаёшь вместо работы.

Я сошла на берег. Потом снова ступила на настил.

— Анна Сергеевна Верещагина, — повторил паром.

Голос нельзя было назвать мужским или женским. Так шуршит сухое дерево, если провести ладонью по волокнам. Не мысль, не воспоминание. Звук.

Я присела и коснулась доски. Та была холодной, влажной и совершенно не обязана знать отчество женщины из Нижнего Новгорода.

— Ирка, — позвал Ефим. — Фонарь сюда.

— Сейчас.

Паром молчал. Видимо, дважды представляться считал достаточным.

Варька шагнула следом. Доски тихо прошелестели:

— Варвара Григорьевна Переправная.

Девочка погладила настил и улыбнулась ему как знакомому.

— Он всегда так делает?

Она написала на своей дощечке: «СО МНОЙ ДА. С ПАПОЙ ДА. С МАМОЙ НЕ ЗНАЮ».

— Другие слышат?

«ДЕТИ. ХОЗЯИН».

Последнее слово она обвела дважды.

— Кто хозяин теперь?

Варька посмотрела на меня с терпением козы, которая уже объяснила человеку назначение ведра.

Я вернулась к Ефиму.

Оборванный канат был толщиной с моё предплечье. Его волокна на конце распушились, но неравномерно: часть торчала клочьями, часть лежала короткими ровными рядами. Старик поднёс фонарь ближе, поковырял срез ногтем.

— Лопнул, — сказал он.

— Где?

— Здесь.

— Я вижу место. Покажи, как лопнул.

Он недовольно засопел, потом разделил волокна. Внутри

темнела гладкая косая полоса.

— Ножом, — сказала я.

Ефим ничего не ответил.

Я взяла Варькин нож, приложила лезвие к наружным прядям. Ширина следа совпала. Канат сначала надрезали почти до середины. Остальное доделала нагрузка.

— Сам порвался?

— Мог, — буркнул Ефим.

— Новый канат. В тихую ночь. С ровным срезом внутри.

— Ночи тут разные бывают.

— А ножи?

Он отнял у меня конец и закрыл срез ладонью.

— Не суйся.

— Уже поздно. Я в чужом теле, должна сорок серебряных и отвечаю за устройство, которое объявляет мне моё полное имя. Из доступных направлений «не соваться» закрылось первым.

Ефим оглянулся на Варьку.

— Гришка вышел после полуночи. Сказал, канат поёт не так. Я с вечера пил у Глафиры. Утром лодка болталась ниже по течению. Гришку нашли в камышах. Тебя — под днищем, за цепь зацепилась. Воды наглоталась, не дышала.

— Сколько?

— Чего?

— Сколько я не дышала?

— Кто ж считал. Пока вытащили, пока на доски положи-

ли. Лука сказал — всё. Потом ты воду выплюнула.

Чуда не было. Ирма умерла, и в её теле почему-то очнулась я.

Я посмотрела на свои руки. На руках Ирмы были свежие порезы — тонкие красные линии от каната. Она пыталась вытащить мужа. Возможно, держалась дольше, чем мог выдержать любой человек. Возможно, паром выбрал не меня, а ту, которая не отпустила.

— Где старый нож Григория?

— Не нашли.

— Кто знал, что он выйдет ночью?

— Все знали, что он выходит, когда канат шумит. — Ефим выпрямился. — Это переправа, не княжеская спальня. Тут никто секретов не хранит.

Варька резко постучала мелом по дощечке.

Она нарисовала лодку. В лодке — человека. От него шла линия к канату. Над водой стоял месяц.

— Ты видела человека?

Кивок.

— Лицо?

Она покачала головой и пририсовала сапог. На подошве — полукруг.

Ефим схватил дощечку.

— Раньше чего молчала?

Варька вырвала её и отступила за меня.

— Потому что ты орёшь, — сказала я.

— Я не ору.

Эхо с противоположного берега подтвердило обратное.

Девочка прижала дощечку к груди. Я опустилась рядом.

— Ты покажешь мне всё, что помнишь. Не сейчас, если не хочешь. И никто не станет отбирать у тебя мел.

Ефим проворчал что-то насчёт избалованных детей, но отошёл.

Я ещё раз осмотрела срез. Канат надрезали со стороны воды: диверсант стоял в лодке, где его скрывала опора. Григорий услышал изменение натяжения и вышел. Дальше у нас были только мёртвый мужчина, чужое тело и ребёнок, который боялся нарисовать лицо.

— Почему паром не ремонтировали десять дней?

— Пеньки нет. Людей нет. Денег нет.

— Людей в посёлке шестьдесят дворов.

— Люди есть. Желающих помереть за чужую пристань нет.

Я поднялась на настил и подошла к вороту. Рукояти были отполированы ладонями. На центральном столбе кто-то вырезал десятки имён, дат и коротких ругательств. Внизу, почти у пола, свежо белели две буквы: «В. П.».

— Паром, — сказала я. — Ты меня сюда притащил?

Доски не ответили.

— Ты можешь двигаться без каната?

Тишина.

— Есть у тебя руководство по эксплуатации?

Варька фыркнула без звука.

Я положила ладонь на ворот.

— Ладно. Будем считать, что заявка принята без комментариев.

С реки потянуло холодом. На левом берегу один из огней сдвинулся: человек с фонарём шёл вдоль частокола и остановился напротив нас. Даже через воду я чувствовала, что он смотрит на освещённый паром.

Ефим поднял фонарь.

— Стража. Завтра узнают, что ты очнулась.

— И что?

— И пришлют капитана. Новый у них. Северин. Месяц тут, а уже каждую бочку считает.

Я посмотрела на далёкий огонь. Капитан мог дать людей, материал и вторую подпись под полным рейсом. Или сделать всё, чтобы рейса не было.

Под моей ладонью дерево едва заметно дрогнуло.

— Анна Сергеевна Верещагина, — в третий раз шепнул паром.

Теперь это прозвучало не как знакомство.

Я не убрала руку с ворота.

День одиннадцатый

Утром в дверь постучали так, как стучат люди, заранее уверенные, что дверь скоро станет их собственностью.

Коза ответила первой. Она боднула створку изнутри, и снаружи кто-то выругался.

Я уже не спала. За ночь мне удалось выяснить, что тело Ирмы умеет мерзнуть сразу всеми частями, печная труба свистит на северном ветру, а Варька во сне ищет рукой край чужого одеяла. К рассвету я составила на обороте расписки список:

Канат.

Люди.

Деньги.

Не дать себя убить.

Четвёртый пункт я добавила после того, как ещё раз посмотрела на ровный срез.

Варька сидела на лавке и заплетала косу. Я показала ей расписку.

— Вершинин придёт сам?

Она нарисовала круглого мужчину в меховой шапке, затем рядом — тощего с длинными руками. На тощего указала мелом.

— Посылает другого. Разумно.

Стук повторился.

— Ирма Григорьевна! Торговый дом Мокея Вершинина просит уделить минуту!

— Просьба отклонена, — крикнула я. — Приходите весной.

За дверью помолчали.

— Срок обязательства наступает через девятнадцать дней.

— Вот через девятнадцать и приходите.

Ефим, ночевавший на лавке у печи под предлогом моей ненадёжности, высунул бороду из-под тулупа.

— Ты чего его злишь? Это Митрохин. У него чернила вместо крови.

— Значит, на морозе не замёрзнет.

Но дверь я открыла. На крыльце стоял человек в сером кафтане, узкий сверху донизу. Даже шапка у него была не круглая, а вытянутая. Рядом переминались два крепких помощника. Один держал кожаную папку, другой — козу за рог.

— Ваша скотина напала на представителя торгового дома, — сообщил Митрохин.

— Она защищала залоговое имущество.

Он не оценил. Вошёл, стряхнул с сапог воду и оглядел дом с вниманием будущего владельца. Помощники остались снаружи. Коза тоже, но по личным мотивам.

Митрохин разложил на столе расписку и ещё один лист.

— Ввиду несчастного случая господин Вершинин готов

проявить снисхождение. Если вы подпишете добровольную передачу перевозного права сейчас, долг будет прощён. Дом останется за вами до весны.

— А потом?

— Зимой дом у воды всё равно неудобен.

Варька перестала водить мелом.

— Сколько стоит перевозное право?

— Ровно сумму долга.

— Сколько оно приносило в прошлом году?

— Книги утрачены.

— У вас утрачены?

— У Григория Переправного.

— Но цену вы рассчитали.

Митрохин сложил руки на папке.

— Ирма Григорьевна, я понимаю ваше состояние. Утрата супруга, пребывание под водой, разговоры о том, что вы перестали узнавать знакомых… Суд может счесть, что сделка должна совершаться при попечителе.

— А торговый дом уже выбрал попечителя?

— Староста Кондрат пользуется доверием общины.

Теперь вчерашняя забота старосты о моём здоровье получила цену.

Я взяла второй лист. Передача пристани, парома, будки, перевозного права и «всех относящихся к промыслу приспособлений». Дом до весны оставался мне из милости. Земля под ним — нет.

— Что будет с договором мира, если Вершинин получит паром?

— Господин Вершинин — патриот Веленского герцогства.

— Это не ответ.

— Это всё, что касается вас.

Под столом Варька коснулась моей ноги. На дощечке у неё было написано: «НЕ НА ПАРОМЕ».

Я поняла не сразу. Здесь, в доме, Митрохин мог говорить что угодно, а паром не проверит.

— Хорошо, — сказала я. — Обсудим на пристани.

Он впервые сбился.

— Зачем?

— Имущество надо осмотреть перед передачей. Вы же не подпишете, не проверив?

— Подписываете вы.

— Тогда я не подпишу.

Митрохин убрал бумаги медленно, разглаживая каждый уголок.

— Девятнадцать дней. После этого дом, пристань и право отойдут торговому дому. Если до той поры вы снова утратите способность рассуждать, срок может сократиться.

— Передайте господину Вершинину: если он хочет мою пристань, пусть приходит сам и ступает на паром.

Его лицо осталось ровным, только мизинец сильнее прижал папку.

— Передам дословно.

Когда он ушёл, Ефим сел и долго натягивал валенок не на ту ногу.

— Зачем тебе Вершинин на пароме?

— Хочу услышать его имя.

— Мокей он и есть.

— И хочу проверить, как паром относится к лжи.

Варька оживилась. Она нарисовала доску и ломаную линию, затем прижала ладони к ушам.

— Скрипит?

Кивок.

— Когда человек врёт?

Ещё кивок.

— А вчера почему не сказала?

Она пожала плечами и написала: «ТЫ НЕ СПРОСИЛА».

Справедливо. Руководство по эксплуатации продолжало поступать отдельными приложениями.

Через полчаса я стояла у печи и рисовала углём таблицу прямо на железной заслонке. Бумагу следовало беречь, а заслонка легко отмывалась песком. Слева — что нужно. Справа — где взять.

Канат: триста двадцать саженей.

Люди: восемь человек на четыре дня.

Деньги: пятьдесят серебряных на канат плюс сорок долга.

Подписи: Лука и офицер левого берега.

— Девяносто серебряных за девятнадцать дней, — про-

читал Ефим. — Проще герцога ограбить.

— Герцог далеко. Начнём с каната.

— Пеньки нет.

— Где её продают?

— В Велени, у пристани, в Ордашье. Только Вершинин всё скупил на правом берегу ещё до Гришкиной смерти.

Уголь остановился в моей руке.

— Когда именно?

Ефим задумался.

— За неделю. Сказал, армейский подряд. Гришка ругался, хотел зимой запас сделать.

Вершинин купил пеньку до обрыва каната. Потом его человек пришёл забрать пристань до срока. Совпадения тоже бывают, но обычно не приходят с двумя помощниками.

— Из чего ещё вьют канат?

— Из хорошей пеньки.

— А если хорошей нет?

— Из плохой пеньки.

— Ефим.

— Лён. Старые сети распустить можно. Вожжи. Кора липовая, да слабая. Только соберёшь по дворам клочья, а не канат.

— Значит, соберём клочья и сделаем канат.

Он посмотрел на меня серьёзно.

— Ты не понимаешь. Это не бельевую верёвку сплести. Течение паром боком давит. Канат натянуть надо, смолить,

срастить так, чтобы узел через ворот прошёл. Ошибёшься — людей в воду бросишь.

— Поэтому ты будешь отвечать за работу.

— Я?

— Ты единственный, кто объясняет, почему ничего нельзя. Следовательно, знаешь, как можно.

— Я старый.

— Опытный.

— Пью.

— Установим норму.

— Денег мне не заплатишь.

— Заплачу долей с первых рейсов.

Ефим скрестил руки. Я видела, как он считает. Не деньги — дни, пряди, длину, людей, которых придётся учить. Ремесленник в нём уже взялся за задачу, а хозяин ремесленника ещё пытался отказаться.

— И кружку вечером, — сказал он.

— Полкружки после работы.

— Кружку.

— Полкружки и ужин.

— Три четверти.

— Договорились.

Варька ударила мелом по столу, обозначая заключённую сделку.

Мы вышли собирать команду.

Первым двором был кузнец. Он выслушал нас, показал

обожжённую руку и сообщил, что работать не может. Рука была перевязана так тщательно, что я попросила показать ожог. Кузнец вспомнил срочный заказ и закрыл ворота.

Рыбаки сказали, что заняты сетями. Сети лежали кучей и не выглядели занятыми.

Солевары согласились помочь после ярмарки, через две недели. Гончар предложил молитву. Молитва в таблицу ресурсов не помещалась.

У пятого дома к нам присоединилась толпа детей. Они шли следом, повторяли «хозяйка канат собирает» и предлагали всё подряд: пояс, хвост дохлой крысы, косу младшей сестры. Варька строго сортировала предложения. Косу вернула владельцу, крысу приняла после короткого раздумья и положила в отдельную корзину.

— Зачем?

Она написала: «КОЗЕ ПОКАЖУ».

К полудню у нас было двое согласных: старая сетевязальщица Акулина и четырнадцатилетний парень Федька, которого мать отправила помогать в наказание за разбитое окно. Ефим оценил состав бригады и попросил полную кружку заранее.

На площади перед «Кривым окунем» нас перехватил Кондрат. Староста беседовал с Митрохиным. Увидев меня, приказчик коснулся шапки и ушёл к коновязи.

— Опять людей мутишь, — сказал Кондрат.

— Люди пока мутятся сами. Я собираю верёвки.

— Паром не пойдёт. Так постановили старшие дворов.

— Покажите постановление.

— У нас слово держат без бумаги.

— Мне нужна бумага, — сказала я. — Ваше слово уже менялось при свидетелях.

Кондрат понизил голос:

— Ты и раньше была тяжёлая баба, Ирма. После воды совсем сдурела. Думаешь, Вершинин позволит тебе долг отдать? Думаешь, левый берег подпишет рейс? Там новый капитан. Он каждую лодку назад гонит.

— Откуда вы знаете, что он сделает с паромом?

— Все знают.

— Тогда все сэкономят время: капитан скажет мне сам.

С реки донёсся удар весла о борт.

Люди на площади повернули головы. От левого берега шла длинная узкая лодка. Гребли четверо в одинаковых тёмных куртках. На корме сидел мужчина в сером мундире и чёрных перчатках.

Кондрат выдохнул через нос.

— Накликала.

Я посмотрела на заслонку, которую мы принесли показать Акулине. Внизу списка оставалась строка «Подпись левого берега».

— Нет, — сказала я. — Это доставка по графику.

День двенадцатый

Капитан не сошёл на берег, пока лодку не привязали двумя узлами.

Первый узел проверил солдат. Второй — сам капитан. Он потянул верёвку, осмотрел сваю и только после этого ступил на причал. Человек, который не доверяет даже правильно завязанной верёвке, либо хорошо знает реку, либо плохо знает людей.

Серый мундир сидел на нём без единой складки. Высокий, сухощавый, тёмные волосы коротко подстрижены. Через левую бровь шёл тонкий шрам. Перчатки — чёрные, кожаные, слишком дорогие для заставы из двадцати человек.

За ним выбрался огромный сержант с рыжей бородой. Лодка заметно поднялась из воды.

— Капитан Ян Северин, — представился мужчина. — Ордашье. Крепость Сторожка.

— Ирма Переправная.

Досок парома под нами не было. Моё чужое имя осталось без комментария.

Капитан перевёл взгляд на заслонку от печи у меня под мышкой.

— Вы встречаете должностных лиц с частью отопительного устройства?

— Только тех, кто приходит без записи.

Рыжий сержант кашлянул в кулак. Капитан, возможно, шутил. Определить это по лицу было нельзя.

Лука Пинь прибежал от таможенной будки, прижимая книгу к груди.

— Господин капитан! Ваш визит, несомненно, отвечает духу взаимодействия сторон, хотя процедура предварительного уведомления…

— Вчера на пароме горел фонарь, — перебил Ян. — Я обязан проверить, не возобновлена ли переправа без освидетельствования.

— Не возобновлена, — сказал Лука. — Каната нет.

Ян посмотрел на оборванный конец.

— Это я заметил.

Сержант снова кашлянул. Теперь я была уверена: капитан шутит, просто юмор у него оформлялся как служебная записка.

Кондрат выступил вперёд.

— Мы уже объяснили Ирме: паром чинить никто не станет. Посёлок не хочет новых смертей.

— Я спросил о движении парома, — сказал Ян. — Мнение посёлка находится вне предмета проверки.

Старосту отодвинули без единого жеста. Мне это понравилось больше, чем следовало.

— Осмотр будет на пароме, — сказала я.

Ян перевёл взгляд на меня.

— Причина?

— Проверяете паром.

— Разумно.

Он пошёл к сходням. За спиной у меня Варька тихо ударила мелом по дощечке. Предупреждение или поддержка — разберём позже.

Я ступила первой.

— Анна Сергеевна Верещагина, — прошелестело дерево.

На этот раз я не вздрогнула. Только отошла в сторону, освобождая проход.

Ян поставил сапог на настил.

Паром шепнул:

— Ян Ордаш. Сын герцога Ордашского.

Если бы в этот момент мне вручили ведомость с подписью, печатью и портретом герцога, яснее не стало бы.

Капитан Северин — Ордаш. Сын правителя левого берега. Человек, от подписи которого зависел мир, прибыл проверять оборванную верёвку под чужой фамилией.

Он посмотрел на меня.

— Что-то не так?

— Вы наступили на рыбью кость.

Я нагнулась и подняла с доски тонкий белый хребет. Паром протяжно скрипнул.

Ложь.

Ян осмотрел настил, затем мои руки. Скрипа он не заметил.

— Благодарю за предупреждение.

Доски молчали. Он действительно был благодарен — или умел строить фразы так, чтобы не лгать.

Сержант шагнул следом.

— Тихон Матвеевич Бурый, — сообщил паром.

Сержант остановился.

— Что это сейчас было?

Мы с Варькой одновременно посмотрели на него.

— Вы слышали? — спросила я.

— Доска под ногой скрипнула. Говорил же, капитан, тяжёл я для тайных визитов.

— Ваш вес тайным не является, — ответил Ян.

Ефим повёл гостей вдоль правого борта. Он показывал опоры, ворот, цепи и повреждённый канат. Рядом с капитаном старик перестал сутулиться. Отвечал коротко и точно, не добавляя привычного «всё равно ничего не выйдет».

— Канат разрушился от износа? — спросил Ян.

— Нет, — сказала я.

Ефим бросил на меня тяжёлый взгляд.

Я вынесла обрезанный конец из-под брезента и раздвинула пряди.

— Его надрезали. С воды. Ночью гибели Григория у опоры видели лодку.

Ян присел, не касаясь каната. Потом снял левую перчатку. Пальцы у него были длинные, на указательном — пятно чернил. Он провёл ногтем по гладкому срезу.

— Кто видел лодку?

— Свидетель не готов говорить при всех.

— Удобный свидетель.

— Живой. Уже преимущество.

Наши взгляды встретились. Серые глаза, ничего примечательного, кроме внимательности человека, который привык вынимать из разговора больше, чем ему отдают.

— Нож нашли? — спросил он.

— Нет.

— Следы лодки?

— За десять дней река их не сохранила.

— Мотив?

— Переправное право стоит сорок серебряных для того, кто хочет купить, и, вероятно, гораздо дороже для того, кто хочет получить.

Кондрат заговорил с берега:

— Она после воды мелет что попало! Канат старый был!

Ефим выпрямился.

— Новый он был. Сам сращивал.

Староста замолчал.

Ян надел перчатку.

— Ордашье не уполномочено расследовать преступления на правом берегу. Но повреждение собственности перемирия касается обеих сторон. Я запишу наблюдение.

— И дадите людей для охраны?

— Нет.

— Канат?

— Нет.

— Лодку для перевозки материала?

— При наличии отдельного прошения, описи груза, согласования таможни и свободного судна.

— То есть нет.

— То есть подайте прошение.

Я раскрыла заслонку с таблицей.

— Мне нужно триста двадцать саженей пеньки и восемь работников. На вашем берегу пенька есть. На нашем Вершинин выкупил всё за неделю до диверсии.

Ян прочитал таблицу. Задержался на строке «Подпись левого берега».

— Вы быстро вернулись к делам после несчастья.

— Лежать ещё двадцать девять дней показалось непродуктивно.

— По словам старосты, прежде вы не вели расчётов.

— По словам старосты, женщинам вообще лучше не вести расчётов. Тогда цифры пугаются.

Угол рта Бурого дёрнулся. Ян остался серьёзен.

— Вы изменились, госпожа Переправная.

Под его спокойным тоном лежал опасный и совсем не праздный вопрос.

— Вода располагает к пересмотру привычек.

Паром скрипнул громче.

Ян поднял голову к опоре.

— Настил тоже повреждён?

— Сырой, — ответил Ефим прежде меня.

Старик услышал ложь или только понял, что меня надо прикрыть, — выясним без свидетелей.

Капитан прошёл к вороту. Провёл рукой по рукояти, посмотрел на пустую линию над водой.

— Даже если вы изготовите канат, полный рейс потребует освидетельствования с обеих сторон.

— Лука готов.

Писарь расправил плечи и тут же снова ссутулился.

— В пределах моих полномочий.

— От Ордашья подпишете вы, — сказала я.

Ян медленно повернулся.

— Почему я?

Потому что ты и офицер, и сын герцога. Потому что паром назвал тебя. Потому что чужая фамилия на тебе сидит хуже мундира.

— Вы ближайший офицер.

— Подпись ставится после технической проверки.

— Проведите.

— Когда будет что проверять.

— Значит, вы не против восстановления переправы?

Бурый посмотрел на капитана. Лука перестал дышать. Даже Ефим замер у каната.

Ян снял с пояса записную книжку, сделал пометку и ответил:

— Не имею возражений против действий, соответствую-

щих Мирному уложению и требованиям безопасности. Препятствовать не намерен.

Под его сапогом низко застонала доска.

Я услышала ложь; Ян принял скрип за голос сырого дерева.

— Прекрасно, — сказала я. — Лука, запишите обещание капитана дословно.

Перо писаря уже бежало по странице.

Ян захлопнул книжку.

— Это не обещание.

— Теперь протокол покажет.

В серых глазах впервые появилось нечто живое. Не злость — оценка изменившейся задачи.

Он велел Бурому осмотреть левую цепь, сам измерил срез каната складной линейкой и задал Ефиму ещё десяток вопросов. Я отвечала только когда знала. Варька всё это время сидела на краю настила и рисовала сапоги: мои, Ефима, Бурого. Сапоги Яна она оставила без подошв.

Перед уходом капитан остановился у сходней.

— Госпожа Переправная. Человек, надрезавший канат, может повторить попытку.

— Поэтому вы дадите охрану?

— Поэтому вам следует отказаться.

Паром молчал. Это было его честное мнение.

— Вы проделали триста саженей по воде, чтобы посоветовать мне лежать дома?

— Чтобы убедиться, что движение не началось.

— Не началось. Пока.

Ян задержался на слове. Затем сошёл на берег.

Паром шепнул ему вслед едва слышно:

— Ян Ордаш.

На причале капитана ждал Кондрат. Староста отвёл его в сторону и заговорил вполголоса. Ян слушал, не кивая. Потом посмотрел на меня через плечо.

Через несколько минут лодка отошла. Бурый грёб за двоих, солдаты держали курс. Ян сидел на корме лицом к нашему берегу, пока расстояние не стёрло шрам и выражение глаз.

Лука закрыл книгу.

— Формально капитан не отказал.

— Фактически солгал.

Писарь побледнел.

— На каком основании?

Я посмотрела на Варьку. Она провела мелом по доске зигзаг, изображая скрип.

— На основании показаний собственности перемирия.

Ефим сел на ворот.

— Значит, справа Вершинин скупил канат, слева капитан ждёт конца срока, а посередине мы.

— Нет, — сказала я. — Посередине река. Мы пока на берегу.

Я забрала у Варьки мел и вписала в таблицу новую строку:

«Выяснить, зачем сыну герцога нужна война».

День тринадцатый

К полудню я узнала, что в Подгорье нет пеньки.

К вечеру — что в Подгорье есть пенька, но вся она принадлежит людям, которые не желают иметь со мной ничего общего.

Разница была важная. С отсутствием материала спорить бесполезно. С людьми можно торговаться, стыдить их, утомлять и приходить снова.

Мы начали с лавки Вершинина у площади. За прилавком стоял Митрохин и пересчитывал мотки верёвки размером с моё запястье. За его спиной лежали бухты нового каната. Столько, что хватило бы на две переправы и одну небольшую осаду.

— Пеньки нет, — сообщил он прежде, чем я открыла рот.

— Я вижу её отсюда.

— Продана по армейскому подряду.

— Кому?

— Заказчик не уполномочивал разглашать.

Я коснулась ближайшей бухты. Пенька была сухая, ровная, пахла травой и смолой.

— Назовите цену.

— Товар не продаётся.

— Двойную.

— У вас нет и обычной.

— Тогда зачем вы спрашивали расписку у человека без денег?

Митрохин аккуратно убрал бухту под прилавок.

— Господин Вершинин готов решить ваше затруднение целиком. Предложение остаётся в силе.

— Передайте ему: пристань не продаётся.

— Через восемнадцать дней она перейдёт за долг. Продажа не потребуется.

Варька стояла рядом с корзиной и смотрела не на приказчика, а на дверь в склад. Над косяком белела свежая царапина, ниже — комок рыжей шерсти. Девочка тронула шерсть, понюхала и нарисовала в воздухе хвост.

— Лиса? — спросила я.

Она кивнула и показала на склад.

Митрохин захлопнул внутреннюю ставню.

— Ребёнку нечего трогать чужой товар.

— А чужому товару нечего линять на ребёнка.

Он проводил нас взглядом до самой двери.

С площади я направилась к «Кривому окуню». Трактир был длинный, низкий, с вывеской, где рыба изгибалась вокруг кружки. Из трубы валил жирный дым. Внутри пахло жареным луком, тестом и людьми, которые могут заплатить за обед.

Хозяйку я узнала сразу. Глафира Мокеевна занимала пространство не размером, а уверенностью. Она несла четыре миски на двух руках, одновременно ругала поварёнка и при-

нимала деньги у рыбака.

— Если это утопленница, посадите у двери, — сказала она, не глядя на меня. — С неё вода течёт.

— Уже высохла.

Глафира поставила миски, обернулась и упёрла кулаки в бока.

— Говорят, ты память потеряла.

— Вы кто?

За столами засмеялись.

— Вот ведь гадина, — одобрительно произнесла Глафира. — Значит, не всю.

Я положила на стойку расписку, расчёт Ефима и две серебряные монеты.

— Мне нужна ссуда на канат.

— Нет.

— Вы даже сумму не посмотрели.

— Я тебя знаю дольше, чем ты себя после купания. Нет.

— Под будущие рейсы. Доля с каждого перевоза до возврата.

— Каких рейсов? У тебя каната нет.

— Поэтому я и пришла.

— А когда ты канат купишь, Северин подпись не даст. А если даст, Вершинин тебя с пристанью проглотит. Я деньги в еду вкладываю, она хотя бы портится по расписанию.

Логика была безупречной и от этого особенно неприятной.

— Тогда купите пристань у Вершинина через восемнадцать дней.

— Зачем она мне?

— Все, кто ждёт парома, будут ждать у вас.

Глафира прищурилась.

— На берегу ждать удобнее.

— На пустой желудок люди платят тому, кто ближе. Я поставлю котёл у самой очереди.

В трактире стало тише. Поварёнок перестал рубить капусту.

— Поставишь что? — спросила Глафира.

— Кашу, похлёбку, кипяток. Переправа должна зарабатывать не только на билете.

— В моей избе готовить не умеешь, а харчевню открывать собралась?

— Готовить будет Ефим.

Старик, который до этого грел руки у печи, поперхнулся квасом.

— Я чего?

— Или Варька. Она кашу не сожгла.

Глафира посмотрела на девочку. Та подняла подбородок.

— Денег не дам, — повторила хозяйка. — И место у очереди моё не трогай.

— Место у очереди принадлежит тому, у кого есть очередь.

Я забрала монеты и бумаги. За спиной Глафира сказала:

— Ирма!

Я обернулась слишком поздно. Половина зала заметила задержку.

— В долг всё равно не налью, — закончила она.

На улице Варька написала: «ОНА ДАСТ».

— Почему?

«ЗЛИТСЯ».

— Люди обычно не дают деньги из злости.

Варька нарисовала котёл и перечеркнула его. Глафира даст что-нибудь, чтобы чужой котёл не появился у переправы. Хороший анализ конкурента.

Мы вернулись к Ефиму. Он устроил мастерскую под навесом у пристани: два козла, деревянная гребёнка с железными зубьями, веретено размером с оглоблю. Акулина распускала старую сеть. Федька должен был крутить вороток, но вместо этого учил козу бодать Кондрата по команде.

— Уволен, — сказала я.

Федька побледнел.

— Я ж за окно работаю. Мамка убьёт.

— Тогда восстановлен. Вороток крути.

Коза посмотрела на меня с разочарованием.

На земле лежало всё, что удалось собрать: три рыбацкие сети, две вожжи, моток льняной пряжи, оборванная колокольная верёвка и пояс, который кто-то отдал вместе с пряжкой. До нужной длины не хватало примерно всего.

— Пойдём по домам, — сказала я.

Ефим поднял глаза.

— Ходили.

— Мы просили. Теперь будем покупать.

— На что?

Я достала двенадцать деревянных щепок, которые вырезала ночью. На каждой стояла метка парома и цифра.

— Бесплатный рейс после открытия. За малую связку — один жетон, за большую — три. За хорошую пеньку — пять.

— А ежели не откроемся?

— Жетон останется на память.

Акулина хмыкнула.

— Такое у нас уже от прежнего герцога есть. Монета медная, купить нечего.

— Тогда предложите лучше.

Она взяла жетон, повертела, попробовала зубом.

— За мою сеть два рейса.

— Сеть гнилая.

— Половина гнилая.

— Один рейс и провоз корзины.

— Корзины рыбы.

— До двух пудов.

— Не знаю, сколько это, но согласна.

Первую сделку Варька записала мелом на длинной доске: Акулина — сеть — один пассажир — одна корзина. Так появился реестр будущих обязательств и причина не утонуть при первом же рейсе.

По дворам мы пошли вчетвером. Федька нёс жетоны, Варька — реестр, я — корзину, Ефим — своё неодобрение.

У кузнеца нашлись старые постромки. Он запросил десять рейсов.

— За десять я вас самого на левый берег продам, — сказала я.

Сошлись на двух и перевозке мешка угля.

Рыбаки отдали рваные сети, когда услышали, что Акулина уже получила место в будущем расписании. Солевары принесли льняные мешки — слабые, зато много. Вдова с крайнего двора вынесла моток новой пряжи и отказалась от жетона.

— Гришка моего малого зимой через лёд на спине тащил, — сказала она. — Пиши на него.

Варька записала имя мальчика. Женщина погладила её по голове и быстро ушла в дом.

Не все сделки измерялись рейсами.

К вечеру корзин стало шесть. Дети собирали обрывки по заборам. Даже мужчины, смеявшиеся утром, приносили по мотку и объясняли, что верёвка всё равно ни на что не годна. Каждую Ефим проверял: рвал, нюхал, распускал кончик. Хорошее шло под навес, гниль — в кучу для растопки.

Кондрат появился, когда мы вбили в землю столб с надписью «ПРИЁМ ВЕРЁВОК».

— Жетоны недействительны, — заявил он. — Ты не имеешь права выпускать деньги.

— Это не деньги. Это обещание услуги.

— На них цифры.

— На вашей двери тоже цифра. Дверь от этого монетой не стала.

— Запрещаю от имени общины.

— Покажите решение старших дворов.

Он понял, что я возвращаю ему вчерашний разговор, и побагровел.

Варька тем временем подошла к его сапогам. На подошвах были обычные квадратные гвозди, без полукруглой подковы. Девочка покачала головой. Не тот человек из лодки.

Кондрат этого не заметил. Он сорвал объявление со столба, смял и бросил в грязь.

Федька поднял лист. Акулина молча приколотила его обратно рыбацким крючком. Один за другим люди продолжили сдавать верёвки.

Староста ушёл один.

Перед темнотой Ефим растянул собранное вдоль берега. Получилось сто восемьдесят саженей пригодной пряди, если верить его шагам. Чуть больше половины.

— Завтра соберём остальное, — сказала я.

— Завтра принесут худшее.

— Тогда послезавтра.

— Ты всё сроками меряешь.

— Сроки честнее людей. Они хотя бы не притворяются, что их нет.

Ефим укрыл материал брезентом и привязал углы к столбам.

На другом берегу горел фонарь у ворот заставы. Я подумала о Яне Ордаше, его записной книжке и обещании, которое паром не принял за правду.

Под навесом Варька сортировала жетоны. Один она оставила у себя.

— За что тебе рейс?

Она показала на реестр. В нём было двадцать семь сделок, ни одной ошибки и рисунок козы возле фамилии кузнеца.

— Справедливо. Куда поедешь?

Варька указала на левый берег, потом на меня: вместе.

— Сначала натянем канат.

Она сунула жетон в карман и протянула мне кусок рыжей шерсти, снятый утром с двери склада Вершинина.

На шерсти держался запах дыма и дорогого табака.

Варька нарисовала сапог с полукруглой подковой. Над ним — шапку с лисьим хвостом.

Человека из лодки она всё-таки запомнила лучше, чем сказала.

День четырнадцатый

Канат начинался не с верёвки.

Он начинался с грязи под ногтями, заноз и Ефимова крика: «Не туда крутишь!»

Федька крутил не туда независимо от направления. Акулина распускала узлы быстрее, чем он успевал их затянуть. Я чесала льняные волокна железной гребёнкой и впервые понимала людей, которые предпочитают войну ремесленному обучению.

Под навесом пахло пылью, смолой и мокрой пенькой. Собранные верёвки сначала разбирали на пряди. Пряди очищали, соединяли в длинные ровницы, потом скручивали втроём: Федька у воротка, Акулина на середине, я у Ефима под рукой.

— Ровнее держи, — командовал он.

— Держу.

— Это не ровно.

— У вас берег кривой.

— Берег у неё виноват.

Ефим ударил палкой по натянутой пряди. Та отозвалась низким гудением.

— Слышишь? Слабо. Ещё крути.

— Она порвётся.

— Не порвётся.

— Откуда знаете?

— Потому что сорок лет рву.

Это был единственный вид уверенности, которому я доверяла без документов.

К обеду вдоль берега лежали три готовые пряди по шестьдесят саженей. Их предстояло свить вместе, просмолить и соединить со следующим отрезком. До полного каната оставалось столько работы, что даже список не помогал.

Зато появилась публика.

Мужчины стояли у будки, давали советы и ни разу не предложили сменить Федьку у воротка. Дети таскали волокна. Старухи приносили еду и ругали мужчин. Коза съела край списка обязательств, поэтому кузнец получил на полрейса меньше, пока Варька не восстановила запись по памяти.

После полудня пришла Глафира. За ней поварёнок катил тележку с котлом.

— Это что? — спросила я.

— Щи.

— Я вижу. Зачем?

— Людей кормить. Не тебя.

Она поставила котёл у навеса, разлила щи по мискам и объявила цену: одна медка. Работникам переправы — бесплатно, но только сегодня и только потому, что они выглядят жалко.

— Вы заняли место у моей очереди.

— Где очередь?

Я показала на мужчин у будки.

— Эти не очередь. Эти бедствие.

Мужчины обиделись и купили четыре миски.

Глафира выбрала точку точно между дорогой и пристанью, куда я сама собиралась поставить котёл. Война за клиентов началась раньше государственной и пока пахла капустой.

— Доля с выручки, — сказала я.

— За что?

— За место.

— Это берег.

— Пристань начинается у столба.

— Столб ты вчера сама вбила.

— Тем более знаю границу.

Глафира налила мне щи до самого края.

— Сначала научись канат вить, хозяйка. Потом налогами обложишь.

Слово она произнесла насмешливо. Но не «утопленница» и не «ведьма».

Я съела щи стоя и вернулась к работе.

Ближе к вечеру один из зрителей всё-таки подошёл к воротку. Потом второй. Кузнец принёс крюк для натяжки, не спрашивая жетона. Рыбаки показали, как сращивать мокрые концы. Под навесом стало тесно, и Ефим орал уже на всех сразу, заметно счастливея с каждой минутой.

Мы свили первый толстый отрезок. Он был пёстрый: серые сети, тёмные вожжи, светлый лён. Не канат из лавки Вершинина — история всего посёлка, скрученная так плотно, что отдельную нить уже не вытащить.

Ефим проверил его молотком, натяжкой и зубами.

— Держать будет, — сказал он.

Никто не засмеялся.

Варька написала на новой доске: «60» и повесила рядом с казённой «14».

Шестьдесят саженей готово. Двадцать шесть дней осталось.

Вечером людей пришлось разгонять. Материал мы сложили под брезент, готовый отрезок подняли на козлы. Ефим хотел остаться караулить, но после дня работы едва стоял.

— Я посижу до полуночи, — сказала я. — Потом разбудишься и сменишь.

— Ты вчера из мёртвых встала.

— Четыре дня назад.

— Тем более не отдохнула.

Мы спорили, пока Глафира не забрала его в трактир под обещание вернуть трезвым. Акулина увела Федьку. На берегу остались я, Варька и коза, которую никто не назначал, но она считала себя охраной.

Ночь пришла рано. Я зажгла фонарь под навесом, завернулась в куртку Ирмы и села на перевёрнутое ведро. Варька устроилась рядом с дощечкой на коленях.

— Тебе надо спать.

Она написала: «ТЕБЕ ТОЖЕ».

— Я взрослая.

«ЭТО ПЛОХО».

Коза одобрительно чихнула.

Мы слушали воду. Паром темнел у берега. Иногда настил отзывался на волну коротким скрипом, но это был обычный голос дерева, без слов и обвинений.

На левом берегу двигались фонари часовых. Один остановился напротив пристани, постоял и ушёл. Я поймала себя на мысли, что пытаюсь угадать в нём Яна. Глупое занятие: на таком расстоянии все мужчины становились одинаково удобными для надежд.

— Почему ты не сказала сразу про лисью шапку? — спросила я.

Варька долго тёрла мел между пальцами. Потом написала: «ПАПА СКАЗАЛ МОЛЧАТЬ».

— Когда?

«ДО ЛОДКИ. УВИДИШЬ НОЧЬЮ — МОЛЧИ И ЗОВИ».

— Ты позвала?

Она опустила голову.

«Я ИСПУГАЛАСЬ».

Девочка была уверена, что её молчание стоило отцу жизни.

Я забрала дощечку, стёрла последнюю строку и написала:

«ВИНОВАТ ТОТ, КТО РЕЗАЛ».

Варька прочла. Не кивнула, но прижалась плечом к моему боку.

Так мы сидели, пока коза не подняла голову.

Она не заблеяла. Только вытянула шею в сторону складов и перестала жевать.

Я погасила фонарь.

За будкой хрустнул камень.

Варька скользнула под навес. Я взяла крюк кузнеца и шагнула к дороге. Темнота после света была плотной; несколько секунд я различала только бледную полосу реки.

Затем вспыхнул огонь.

Он пробежал по земле узкой дорожкой и ударил в брезент. Кто-то заранее пролил масло. Пламя взялось сразу с трёх сторон.

— Вода! — крикнула я.

Варька уже тащила ведро. Я сорвала ближайший край брезента, обожгла ладони и отбросила ткань в грязь. Под ней занялись сухие волокна.

Из темноты метнулась фигура. Я бросилась следом, но подол зацепился за кол. Человек перемахнул через канаву. На секунду показался сапог: подошва блеснула железным полукругом.

Подкова.

— Стой!

Он не остановился. За домами хлопнула калитка, залаяла

собака.

У навеса огонь поднялся выше моего роста. Варька плеснула ведро не на пламя, а на соседнюю кучу сухой пряжи. Правильно: спасти то, что ещё не горит.

— Будить людей!

Она схватила железную пластину у будки и ударила молотком. Звон понёсся над посёлком.

Первым прибежал Лука в ночной рубахе под плащом. Потом кузнец, рыбаки, Глафира с Ефимом. Вёдра пошли цепочкой от реки. Кто-то сбивал пламя мокрой сетью. Коза вырвалась и протаранила горящую корзину в воду, совершив первый полезный поступок за время нашего знакомства.

Мы тушили недолго — минут десять. Мне они показались отдельной жизнью.

Когда последнее пламя захлебнулось, под навесом осталась чёрная каша. Сгорела почти вся новая пряжа, часть старых сетей и две опоры. Готовый канат обуглился с одного конца, но середина уцелела.

Ефим ходил по мокрому пеплу и поднимал волокна. Руки у него дрожали.

— Половина, — сказал он. — Половину отстояли.

Глафира обняла Варьку, хотя та сопротивлялась.

Лука нашёл в грязи маленький глиняный кувшин. Понюхал.

— Льняное масло. Из лавки или мастерской. В каждом дворе бывает.

— Сапог с подковой бывает не в каждом, — сказала я.

Варька вырвалась из рук Глафиры, упала на колени и быстро нарисовала увиденное: бегущую фигуру, полукруг на подошве и длинный хвост у шапки.

— Тот же? — спросила я.

Она кивнула.

Ефим посмотрел на рисунок.

— Лисьи хвосты у людей Вершинина. Он им шапки одинаковые справил, чтобы на обозах видно было.

Кондрат появился последним, полностью одетый и в сухих сапогах.

— Что случилось?

Никто ему не ответил.

Он осмотрел пепел.

— Фонарь уронили?

Парома под его ногами не было, но ложь всё равно прозвучала плохо.

— Поджог, — сказал Лука. Голос у него дрожал, зато слова — нет. — Я составлю запись.

— Не раздувай. Никто не пострадал.

— Ещё нет, — ответила я.

Кондрат встретил мой взгляд и первым отвернулся.

Люди не расходились. Мужчины, которые вчера смеялись над сбором верёвок, смотрели на сгоревшие сети так, словно у каждого отняли его собственный узел. Кузнец поднял целую бухту.

— У меня в сарае постромки старые, — сказал он. — Утром принесу.

Рыбак рядом кивнул:

— Сети по верховью соберу.

Акулина ткнула Ефима пальцем в грудь:

— С рассветом начнём. И не ори, руки у людей одни.

Поджигатель уничтожил половину материала и сделал то, чего я не смогла за два дня: превратил чужую пристань в общее дело.

Варька повесила на будку новую дощечку. На ней был сапог с подковой, перечёркнутый жирной линией.

Рядом белела казённая цифра: «14».

День пятнадцатый

Утром на месте пожара лежали семь бухт верёвки, две корзины льна и дверь.

Дверь принёс плотник Савелий. Поставил у навеса, выдернул из неё длинные кованые петли и сказал:

— Липовая. Разберёте на волокно.

— Это же дверь.

— Была от сарая тёщи. Теперь сгорела — скажу, что вместе со всем.

Из дома на холме донёсся женский крик:

— Савелий!

Плотник вздрогнул.

— Вы только быстрее разберите.

Он ушёл бегом. Ефим осмотрел дверь, объявил липу слабой и велел сложить отдельно. Через час пришла тёща Савелия, забрала дверь и оставила две вожжи — по её словам, всё равно мужнины.

Посёлок включился в ремонт так, как люди включаются в драку после первого разбитого окна. Никто не признавал, что помогает мне. Все возвращали долг Григорию, спасали собственные сети, злились на Вершинина или проходили мимо с бухтой на плече.

К полудню Ефим пересчитал сырьё.

— На двести сорок саженей наскребём. Ещё восемьдесят

надо. И хорошей пеньки, не тряпья.

— На левом берегу есть.

— Есть. Только Ян твой лодку не даст.

— Он не мой.

— Потому и не даст.

Лодка появилась сама после обеда.

Она шла от Сторожки тяжело, нос глубоко сидел в воде. Грёб один человек — Бурый. На корме громоздились пустые корзины. Сержант причалил, привязал лодку и некоторое время сидел, восстанавливая отношения с дыханием.

— Тайный визит? — спросила я.

— За рыбой. — Он вытер лоб рукавом. — Совершенно законная закупка продовольствия для заставы.

— Где разрешение капитана?

Бурый похлопал себя по карманам.

— Наверное, осталось в его голове.

Он выбрался на берег. На боку у него висел кошель, но легче корзин от этого не стало.

Рыбаки встретили сержанта без восторга. До остановки парома Сторожка покупала рыбу каждый день. Теперь лодка брала мало, грести далеко, а соль на левом берегу стоила втрое дороже. Бурый торговался, рыбаки поднимали цену, обе стороны обвиняли реку.

— Сколько вам нужно? — спросила я.

— Пять корзин. Людей двадцать, едят как двадцать три. Капитан не считается.

— Не ест?

— Считает себя отдельно.

Рыбаки запросили шесть серебряных. Бурый предложил два. Я увела его к навесу, где Глафира разливала похлёбку.

— Сначала кормите, потом грабьте, — сказала она. — У меня порядок.

Бурый съел первую миску, не отрываясь. После второй перестал смотреть на котёл как на военный объект. На третьей Глафира подсела напротив.

— В Ордашье совсем не кормят?

— Кормят. Крупой.

— А к крупе?

— Другая крупа.

Она принесла пирог с капустой. Бурый закрыл глаза на первом куске.

— Соль есть? — спросила я.

— В Сторожке — на неделю. В Ордаш-на-Холме обозы не дошли. У вас купцы цену задрали.

— Вершинин?

Сержант прожевал.

— Его люди на броде ходят. За мешок берут столько, сколько раньше за три. Капитан гоняет, но брод длинный. Всю ночь не перекроешь.

— А пенька?

— Пеньки у нас склады полные. Лес, лён, пенька — чего вам ещё для счастья не хватает?

— Восьмидесяти саженей хорошего каната.

Он перестал жевать.

— Нет.

— Я ещё ничего не предложила.

— Капитан сказал: ни волокна для парома.

— Значит, он всё-таки препятствует.

— Я этого не говорил.

— Вы сказали точнее.

Бурый положил пирог. Вид у него стал несчастный, но не из-за политики — он ещё не доел.

— Госпожа Переправная, не втягивайте меня. Я солдат простой.

— Сержант.

— Сержант простой. Это хуже: отвечаешь за чужую глупость, а своей заниматься некогда.

Я подвинула пирог обратно.

— Пять корзин рыбы и два мешка соли в обмен на пеньку. Не для парома. Для нужд жителей Подгорья.

— А жители потом подарят её вам.

— Люди свободны распоряжаться имуществом.

Он посмотрел на Глафиру.

— Она всегда такая?

— После воды стала хуже, — ответила та. — Доедай.

Бурый доел. Потом попросил ещё один пирог в дорогу и признался, что на заставе осталось три серебряных до конца месяца.

— Рыбу за два не отдадут, — сказала я. — Но соль у нас дешевле. Солевары не продают Вершинину весь товар, прячут часть от его цены. Если вы привезёте пеньку, я сведу вас напрямую.

— Как перевезти? Паром стоит.

— На лодках.

— Пять корзин и мешки? Потонем.

— Свяжем две лодки настилом.

Ефим, услышав это, объявил меня врагом судоходства. Через пять минут уже показывал, где поставить поперечины.

Бурый долго смотрел на готовый отрезок каната и обгоревший навес.

— Кто поджёг?

Варька, сидевшая рядом, нарисовала сапог и лисий хвост.

Сержант нахмурился.

— Такие шапки у обозной десятки Вершинина. Старший там Сёмка Хват. На левом берегу два раза брали его у брода. Капитан отпускал: товар веленский, человек веленский, преступление не наше.

— Сапоги?

— У них подковы полумесяцем. Мокей заказал, чтобы следы от обычных отличать. Красиво хотел.

Желание отличаться оставило Сёмке приметный след.

— Сёмка где сейчас?

— Вчера обоз ушёл от брода к вашему берегу.

Варька сжала мел.

— Вы готовы сказать это Луке?

Бурый вздохнул.

— Скажу, что шапки и подковы такие. Что Сёмка был здесь — не видел.

Для обвинения этого было мало, но проверить Сёмку уже имело смысл.

Мы составили сделку на обороте старой рыбной ведомости. Завтра на рассвете Бурый должен был привезти две бухты пеньки к неприметной заводи выше заставы. Рыбаки Подгорья — доставить туда соль и рыбу на двух связанных лодках. Лука оформит груз как частный обмен. Я — организую людей и приму риск утопить всё хозяйство.

— Капитан узнает, — сказал Бурый.

— Он проверяет каждую бочку.

— Значит, не узнает до проверки.

Бурый улыбнулся впервые. Лицо у него стало моложе и ещё шире.

— Вы с ним поладите.

— Мы уже не имеем возражений друг против друга.

Сержант засмеялся так громко, что на левом берегу могли услышать.

Рыбу ему в итоге отдали за два серебряных и обещание пеньки. Глафира добавила пироги. Перед отплытием Бурый сунул Варьке маленькую деревянную свистульку в форме утки.

Девочка подула. Получился слабый сип.

— Голос надо разрабатывать, — сказал он и сразу понял, что сказал.

Варька не обиделась. Снова подула, на этот раз сильнее. Утка хрипло свистнула.

Бурый отвёл лодку от берега. На середине реки он поднял пирог вместо флага.

Я посмотрела на оставшиеся корзины, на соль у солеваров и на канат, которому не хватало восьмидесяти саженей.

До сих пор мы просили посёлок спасти переправу. Просьбы плохо перевозят грузы.

В завтрашней ведомости я провела две строки: «соль — влево», «пенька — вправо».

День шестнадцатый

Две лодки, связанные тремя досками, назывались плотом только из уважения к нашей смелости.

Ефим называл конструкцию иначе. Большинство его названий Лука отказался заносить в таможенную книгу.

На правую лодку мы загрузили пять корзин рыбы, на левую — два мешка соли. Между ними оставили узкий настил для человека, который будет следить за верёвками и не думать о глубине. Этим человеком назначили меня.

— Почему ты? — спросил Ефим.

— Я придумала.

— Вот потому и нельзя.

Грести должны были рыбаки Савва и Мирон. Лука сел на корму с книгой, чернильницей и выражением человека, которому государство не объяснило, почему служба требует утонуть вместе с документацией.

Варьку я оставила с Глафирой. Девочка написала три возражения, одно из них неприличное, но осталась. Перед отплытием сунула мне в карман деревянную утку Бурого.

— Если начнём тонуть, посвищу.

Она не улыбнулась.

На рассвете река была тихой. Туман лежал низко, скрывал берега по колено и делал противоположный частокол ближе. Мы вышли выше пристани, чтобы течение снесло к заводи

у Сторожки.

Первые сто саженей прошли хорошо. Потом правая лодка решила обогнать левую. Доски заскрипели, мешок соли накренился, Лука обнял книгу.

— Равнее! — крикнула я гребцам.

— Мы равнее! — ответили оба с разных сторон.

Я легла на доску и подтянула соединительную верёвку. Вода плескалась в ладони. Где-то под нами течение тащило ветки, камни и всё, что не умело держаться за берег.

Конструкция выровнялась.

— Запишите: испытание прошло успешно, — сказала я.

— Я записал: «Опасный способ доставки, предпринятый вопреки устному предостережению писаря», — ответил Лука.

— Главное, что почерк разборчивый.

У заводи нас ждал Бурый. Рядом лежали две бухты чистой пеньки. Увидев наши лодки, он снял шапку.

— Я думал, вы пошутили.

— Ян тоже.

Имя подействовало. Бурый оглянулся на заставу.

— Быстрее разгружайтесь.

Мы успели перенести одну корзину, прежде чем с холма донёсся рожок.

По дороге к воде спускались шестеро солдат. Впереди шёл Ян.

Он был без плаща, в сером мундире, застёгнутом до горла.

Перчатки на месте. Шаг ровный. Только слишком быстрый для человека, который не возражает.

— Частная торговля? — спросил он.

— Совершенно законная, — ответил Бурый.

— Разрешение?

Сержант похлопал карманы тем же жестом, что вчера.

— Утратилось в голове.

Ян посмотрел на него долго.

— Вернёмся к вашей голове позже.

Он велел открыть корзины и мешки. Солдаты протыкали рыбу тонкими щупами, пересыпали соль, проверяли днища лодок. Работа шла тщательно и медленно. Солнце поднялось, рыба начала нагреваться.

— Что ищете? — спросила я.

— Запрещённый товар.

— Какой?

— Если перечислю, вам будет проще подготовиться в следующий раз.

— Рыба испортится.

— Тогда ваш выбор способа перевозки был неудачен.

Он тянул время. Не мог запретить обмен, поэтому превращал его в убыток.

Я села на перевёрнутый мешок и достала нож.

Солдаты положили руки на рукояти.

Ян не шевельнулся.

— Что вы делаете?

— Чищу рыбу. Раз проверка долгая, продам её здесь готовой.

Я распорола первую щуку, вынула внутренности и попросила Бурого развести огонь. Сержант посмотрел на капитана.

— Это приказ? — спросил Ян.

— Коммерческое предложение.

Бурый принёс дрова. Савва нашёл котелок. Через четверть часа над заводью пахло ухой. Солдаты проверяли корзины и поглядывали на пар.

— Миска — медка, — объявила я. — Проверяющим скидка за вредность.

Лука записал первую выручку на левом берегу.

Ян подошёл, когда его люди доели половину котла.

— Вы превращаете таможенный досмотр в ярмарку.

— Я сокращаю убытки от простоя.

— Вы всегда отвечаете так, словно ведёте спор не первый раз?

— Я четырнадцать лет выпускала машины на линию.

Слова выскочили раньше, чем я успела остановить.

— Машины? — переспросил он.

— Людей. Машинальных людей.

На пароме доски бы сейчас выдали меня. Здесь была только трава под ногами.

Ян наклонил голову.

— После воды у вас появился необычный словарь.

— После воды многое появляется. Кашель, например.

— И исчезает память.

— Только неудобная.

Он присел у бухт пеньки.

— Этот товар предназначен для переправы.

— Он предназначен жителям Подгорья в обмен на соль и рыбу.

— А затем?

— Затем жители распорядятся собственностью.

— Передадут вам.

— Возможно. Вы не имеете возражений против законных действий.

Я процитировала его почти дословно. Лука осторожно прокашлялся над книгой.

Ян посмотрел на писаря, на Бурого, на солдат с мисками.

— Досмотр продолжить, — приказал он.

Мы сварили второй котёл.

К полудню рыба всё ещё была пригодна, соль пересчитана по горстям, а запрещённого товара не нашли. Ян мог задержать нас до вечера, но тогда пришлось бы кормить собственных людей за счёт заставы или признать, что они купили обед у нарушителей.

— Груз разрешён, — сказал он. — Пенька остаётся на левом берегу до оформления вывоза.

— На каком основании?

— На основании отсутствия вывозной отметки.

Лука перелистал книгу.

— Отметка проставляется принимающей стороной, господин капитан. То есть мной. Вот форма.

Он показал страницу. Рука у него дрожала, но палец стоял на нужной строке.

Ян прочитал. Потом вынул свою печать и поставил рядом знак досмотра.

— Груз может следовать.

Это была маленькая победа, добытая не хитростью, а тем, что Лука знал инструкцию лучше сына герцога.

Мы загрузили бухты вместо рыбы и соли. Лодки просели ещё ниже.

— Течение усилилось, — сказал Мирон.

Ян посмотрел на воду.

— До правого берега не дойдёте. Снесёт ниже пристани.

— Это забота или расчёт?

— Наблюдение.

Он велел двум солдатам дать нам длинные шесты. Бурому — сопровождать на отдельной лодке до середины.

— Благодарю, — сказала я.

— Это мера безопасности. Не помощь переправе.

— Разумеется.

Мы оттолкнулись. Ян остался у воды, сложив руки за спиной.

До середины Бурый грёб рядом. Потом течение развернуло связку, и нам стало не до разговоров. Савва тянул левое весло, Мирон правил шестом, я удерживала бухты. Лука

обещал воде административное взыскание.

Нас снесло на двести шагов ниже пристани. На берегу уже бежали люди с верёвкой. Ефим зашёл по пояс в воду, поймал нос лодки и орал, что мы испортили ему весь материал, хотя пенька была сухой.

Варька повисла у меня на шее прежде, чем я выбралась на берег. Потом оттолкнула и показала на карман.

Я достала утку и дунула. Та свистнула чисто и громко.

На левом берегу Бурый ответил двумя короткими свистами.

Ефим разрезал обвязку первой бухты, проверил волокно и произнёс:

— Хорошая.

После утренней переправы похвала Ефима звучала весомо.

Я посмотрела через реку. Ян всё ещё был у заводи. Расстояние скрывало лицо, но я знала: он видел, что груз дошёл.

Впервые мы спорили не о том, пойдёт ли паром.

На Варькиной доске место для даты полного рейса пока осталось пустым.

День семнадцатый

Новый канат растянулся вдоль берега от пристани до последнего дома и ещё немного вверх по дороге.

Он был неровного цвета, с тёмными участками старых сетей и светлыми полосами ордашской пеньки. Ефим называл каждое утолщение позором. Акулина называла Ефима неблагодарной развалиной. Канат между тем выдержал телегу с камнями, шестерых мужчин и Кондрата, который пришёл доказать, что испытание устроено неправильно.

— Натягивать будем до полудня, — распорядился Ефим. — Правый конец через ворот, левый лодкой к опоре. На воде не суетиться. Скажу бросать — бросаете всё, кроме детей.

— А стариков? — спросила Акулина.

— Старики сами выплывут назло.

С левого берега наблюдали солдаты. Бурый стоял у опоры, хотя Ян запретил помогать. Формально сержант лишь следил, чтобы наши люди не ступали на землю Ордашья. Неформально он принял конец каната, закрепил его и дважды переделал чужой узел.

К полудню линия поднялась над водой. Ефим проверил натяжение по звуку. Паром впервые за семнадцать дней оказался связан с обоими берегами.

Посёлок пришёл смотреть на пробный рейс. Глафира принесла пироги и взимала плату с тех, кто хотел смотреть с её

скамьи. Лука стоял у будки с книгой, но до полного рейса отказался делать официальную отметку.

— Сегодня только проверка, — повторял он. — Без пассажиров, торгового груза и международных последствий.

Для веса на настил поставили четыре мешка песка, пустую телегу и деревянный ящик Кондрата.

— Что в ящике? — спросила я.

— Железо для кузнеца.

— Какое железо?

— Старое.

Кондрат уже отошёл к толпе. Я хотела открыть, но Ефим крикнул, что течение меняется и пора идти. Крышка была прибита, ящик тяжёлый, никаких отметок.

— После рейса проверю, — сказала я Луке.

Писарь записал эту фразу. У него развилась опасная привычка фиксировать мои будущие сожаления.

У ворота встали Ефим, кузнец, Федька и я. Варька устроилась у переднего столба с мелом. Паром называл каждого, кто ступал на настил. Имена шли тихим деревянным шорохом, знакомым уже почти до спокойствия.

Ефим положил ладони на рукоять.

— Разом. Пошли.

Мы надавили.

Ворот не двинулся.

— Ещё.

Рукоять подалась на палец, потом на ладонь. Канат натя-

нулся, вода за бортом вспухла. Паром отлип от грязи с долгим сосущим звуком.

Толпа на берегу замолчала.

Мы сделали полный оборот.

Пристань отошла.

Не быстро и не красиво. Паром дёрнулся, повернулся носом против течения, заскрипел всеми досками. Но пошёл.

Люди закричали. Федька бросил рукоять и замахал матери. Ефим ударил его по затылку.

— Руки держи! Праздновать на берегу будешь!

Я держала. Под ладонями дерево было гладким от десятилетий чужой работы. Каждый оборот выбирал канат, левый берег приближался на несколько шагов. Вода разбегалась вдоль корпусов. Дом на сваях уменьшался. Глафира на берегу подняла пирог, Бурый с другой стороны — шапку.

Паром шёл.

На середине реки ворот остановился.

Рукоять ударила меня в плечо. Федька упал. Канат натянулся струной, но не порвался. Паром встал поперёк течения и начал дрожать.

— Отпускай! — крикнул Ефим.

Мы сняли усилие. Ничего.

— Канат заело? — спросила я.

Ефим проверил барабан, перегнулся через борт. Линия была чистой.

— Не заело. Должен идти.

Мы попробовали снова. Ворот не поддался даже на палец. Паром скрипел не как на лжи — глубже, всем настилом. Вода шла свободно, а судно держалось на месте, словно упёрлось в невидимую мель.

На берегах кричали. Слов не разобрать.

Варька ползала между грузами, прикладывая ухо к доскам. Возле ящика Кондрата она остановилась и постучала по крышке.

Изнутри ответил металл.

— Железо, — сказал кузнец. — Он же говорил.

— Какое?

Мы отодвинули мешок. На боку ящика под свежей грязью проступило клеймо: стрелка в круге.

Ефим выругался.

— Оружейная артель.

Я взяла ломик из ящика с инструментами. Крышка держалась на четырёх гвоздях. Первый вышел легко. Второй сломался. Кузнец отобрал ломик и сорвал доску одним движением.

Внутри лежали ружейные стволы, промасленные и связанные по пять.

Тридцать штук.

На правом берегу Кондрат исчез из первого ряда.

— Выбросить, — сказал Ефим.

— Это улика.

— Это якорь. Сначала доплывём.

Я вытащила один ствол. Он был тяжелее, чем выглядел. Не старое железо для кузнеца, а новый груз без замков и лож — удобный для скрытой перевозки.

— Паром не хочет его везти, — сказала я.

Федька перекрестился.

— Паром ничего не хочет, — буркнул Ефим. — Он дерево.

Под ногами настил возмущённо застонал.

— Дерево с мнением.

Мы связали стволы верёвкой. Я закрепила другой конец на борту, чтобы потом найти груз, и столкнула связку в воду. Ящик полетел следом.

Стволы ушли на глубину, верёвка натянулась.

Ворот сам провернулся на четверть оборота.

Паром двинулся.

Никто не говорил до левого берега.

Бурый принял сходни. За его спиной стоял Ян. Капитан посмотрел на мокрую верёвку, уходящую за корму.

— Что произошло?

— Испытание выявило запрещённый груз, — сказал Лука с правого берега через триста саженей, но его никто не услышал.

— Оружие, — ответила я. — Тридцать ружейных стволов. Ящик поставил староста Кондрат якобы для веса. Паром встал посередине и пошёл только после того, как мы сбросили груз.

Ян посмотрел на воду.

— Покажите.

Мы подтянули верёвку. Стволы показались из воды, блестя маслом. Бурый присвистнул.

— В Ордашье такие не делают, — сказал он. — Веленское клеймо.

— Кому предназначались? — спросил Ян.

— Спросите Кондрата. Если он ещё на берегу.

Капитан велел двум солдатам принять оружие на хранение и составить опись. Я не позволила унести всё без расписки. Ян написал её сам, приложил печать заставы и передал мне.

— Пробный рейс завершён, — сказала я. — Подпишете техническую исправность?

Он осмотрел канат, ворот и пёстрые сращения.

— После обратного хода.

— Вы всегда оставляете себе ещё одну проверку?

— Это позволяет не сожалеть о предыдущей.

На обратном пути паром шёл ровно. Ян не поднялся на борт. Он остался у опоры и следил, как увеличивается расстояние.

На правом берегу Кондрата не было. Зато стоял Митрохин. Приказчик Вершинина смотрел на мокрые стволы, которые солдаты раскладывали на траве слева. Его вытянутое лицо не изменилось.

— Ящик принадлежит старосте, — сказал он, когда я со-

шла.

— Клеймо веленской артели.

— В Велени много покупателей.

— Один из них скупил всю пеньку и пытался получить пристань.

— Обвинения требуют доказательств.

— Поэтому стволы теперь у ордашского капитана.

Митрохин посмотрел через реку. Ян стоял рядом с оружием и говорил с Бурым.

Впервые между Вершининым и его целью лежала не беспомощная вдова.

Лежала река, паром и человек, которому Мокей только что попытался тайно отправить тридцать ружей.

Паром качнулся у причала. Под моими ногами доски были тихими.

Он принял людей, песок и пустую телегу.

Войну — отказался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.